

CENTRE D'ÉTUDES FRANCO-RUSSE
ЦЕНТР ФРАНКО-РОССИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Centre d'études franco-russe

Les Carnets du CEFR

Centre d'études franco-russe de Moscou

Исторический факультет МГУ

Лаборатория медиевистических исследований НИУ ВШЭ

Table ronde/ Круглый стол

Du 14 сентября 2017 г.

Mikhail Dmitriev

Реформация в истории Европы и Запада: что нужно изменить в
наших университетских курсах?

La Réforme Protestante dans l'histoire de l'Europe et de l'Occident:
Que faut-il changer dans nos cours universitaires?

16 pages

Реформация в истории Европы и Запада: что нужно изменить в наших университетских курсах?

14 сентября 2017 г. в Центре франко-российских исследований состоялся круглый стол, посвященный Реформации и вопросам ее преподавания в школьных и университетских курсах. Его задачей стало обсуждение современного состояния знаний о причинах Реформации, ее драмах и трагедиях, а также значении в истории Европы и то, каким образом накопленный в новейшей историографии опыт отражен в школьных программах и в университетских курсах по истории религиозных традиций, средних веков и раннего Нового времени.

Круг вопросов, вокруг которых была построена работа круглого стола, был очерчен в докладе в **М.В. Дмитриева** (МГУ-ВШЭ) «*Реформация и Европа, Реформация и Запад, Реформация и Россия*»:

- Был ли кризис Реформации неизбежным?
- «Динамичный» протестантизм против «косного» католицизма? Как ввести в наши курсы тему «католической Реформы» как альтернативы протестантской Реформации?
- Современная историография протестантской и католической *конфессионализации* (Konfessionalisierung).
- Протестантизм, капитализм, модернизация: как они на самом деле соотносились в истории Европы и Запада?

По замечанию М.В. Дмитриева, освещение Реформации в школьных курсах и университетских пособиях безнадежно отстало от новейших исследований в области истории протестантизма и католической Реформы. Одновременно с этим в современной историографии также существуют белые пятна: недостаточное внимание к кальвинизму, недостаток работ по сравнительной истории того, что происходит в Европе в эпоху Реформации и в тех регионах, где этого опыта не было, как, например, в России или в Испании.

Вместе с тем в учебниках и в исторической памяти сложилась устойчивая дихотомия загнивающего и косного католицизма и прогрессивного и динамичного протестантизма. Реальное состояние умов людей рубежа XV-XVI вв. и практик представляется в виде растущего антиклерикализма и движения к подлинной религиозности, очищенной от суеверий, культа святых и тунеядствующего монашества. Отправными точками для этого служат классические источники, как

«Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле, «Корабль дураков» Себастьяна Брандта, «Письма темных людей» или «Похвала глупости» Эразма Роттердамского.

Однако современная научная литература говорит об этой эпохе с совершенно других позиций. Книга Николь Лёметр «Пламенеющий Руверг»¹, которая, по словам Жана Делюмо, делает честь французской историографии, во многом пересматривает прочно сложившиеся представления о кризисе католицизма в конце XV в. Эти выводы также подтверждаются в 6-томной огромной диссертации Марка Винара о развитии католической церкви в Авиньоне XIV-XVI в., а также в работе Анн Бонзон, посвященной истории нормадского диоцеза. В свою очередь Жан Мари Лё Галль обратил внимание на изменения или перемены в культуре французского монашества XV-XVI вв., о его готовности пересмотреть прежние религиозные представления, не разрывая при этом с традициями католицизма. На основе многочисленных и скучнейших источников историкам удается показать, как еще до Тридентского собора католическое духовенство шло по пути внутреннего обновления и как одновременно с этим миряне включаются в религиозную жизнь. Эти изменения находят свое отражение в увеличении заказов на заупокойные мессы, укрупнении старых и создании новых братств, участии в паломничествах и церковных процессиях, строительстве и обновлении часовен и храмов, а также в росте публикаций набожного характера (жития святых, проповеди, *exempla*). За это время появляется новое поколение духовенства и прихожан; и, как подчеркивают историки, эти изменения не были навязаны сверху. Исследования французских историков ставят вопрос, действительно ли католицизм конца XV-начала XVI в. находился в глубоком упадке и была ли Реформация неизбежной и непреодолимой? Историки также показывают мирное возвращение католицизма (предпосылки для этого были созданы в предшествующий период, заложивший основы для дальнейшего религиозного обновления), хотя в ряде регионов этот процесс мог носить насильственный характер – во внутренних регионах Австрии, Словении или в Северной Франции. Католическая реформа произрастала изнутри и это один из драматических аргументов в пользу того, что Реформации или церковного раскола могло бы не быть. С другой, можно говорить о том, что Европа в XVI-XVII в. пережила две Реформации – католическую и протестантскую.

М.В. Дмитриев также обратился к проблеме конфессионализации – складыванию и становлению новой церковной организации – кальвинистской в

¹ Lemaitre N. *Le Rouergue flamboyant. Clergé et paroisses du diocèse de Rodez (1417-1563)*. Paris, 1988.

Швейцарии и лютеранской в Германии, пуританской в Великобритании. В работах В. Райнхарда и Х. Шиллинга показано, что конфессионализация – это не только создание и не становление специфически конфессиональных дискурсов, институтов, церковно-религиозных практик и самосознания в протестантских и католических общинах раннего Нового времени, но и новый симбиоз церковных и государственных институтов, механизмов и процессов совместного воздействия церковно-государственных институтов и факторов на социальную, политическую и экономическую жизнь Европы. В этом контексте конфессионализация тесно связана с темой модернизации, которая обычно отождествляется с секуляризацией. На локальном приходском уровне переход к новому времени осуществлялся не через секуляризацию, но конфессионализацию, т.е. через усиление воздействия религиозных начал, в том числе на государство. На этот факт, по замечанию М.В. Дмитриева, раздраженно реагируют во Франции и в Польше, но сложно сказать, почему государство Габсбургов или в более позднее время Фридриха II не было конфессионализированными. Присутствие конфессиональных начал вместо секулярных знаменует собой поворот в мировой историографии, где обычно переход к модерности шел через секуляризацию.

Как отмечает М.В. Дмитриев, в новых учебниках уже произошел отказ от «генезиса феодализма», описания раннего Нового времени как перехода к капитализму, но нам все еще трудно совмещать модернизацию или прогресс с религией. Тем не менее, теперь модернизацию Европы нужно будет объяснять через корреляцию с развитием религиозной жизни, ее усиления и углубления.

О времени XVI и XVII вв. говорят как о "Второй реформации" – новой реформации вглубь обычаев, образа жизни, верований на каждодневном уровне и практик. Ж. Делюмо писал о «вторичной христианизации». В любом случае конфессионализация охватывает все сферы общественной, государственной и правовой жизни. И в этом отношении нам очень важны работы М.А. Корзо и А.Ю. Прокопьева.

Говоря о проблемах модернизации, М.В. Дмитриев также упомянул о М. Вебере и его ложно понятой идею о генезисе капитализма из протестантизма. Как подчеркнул докладчик, главная проблематика работ М. Вебера – это вопрос об истоках Европы, ее специфической модели развития и какую роль в этом развитии играл капитализм как часть модернизации. Капитализм и модернизация связаны не с протестантизмом, а с трансформацией христианской культуры. Таким образом,

модернизацию, социально-экономическое развитие Европы в Новое время нельзя понять без вклада христианской культуры.

Наконец, конфессионализация – становление церковных институтов и усиление конфессионального сознания – тесно связана с проблемами дисциплинаризации и становлением «полицейского государств» – *Polizeistadt, polizeiordnungen, well ordered police state*. На примере германских княжеств и петровской России об этом писал Марк Раев². О переносе германского опыта в Россию также писал В.М. Живов³ и начал говорить А.С. Лавров⁴.

Вместе с тем феномен дисциплинаризации более глобален и тотален, чем кажется на первый взгляд. Людей дисциплинируют через приходы, братства, школы, процессии, пропаганду и публичные казни. М. Фуко и представители Франкфуртской школы социальных исследований видели истоки тоталитарных режимов XX века в эпохе Просвещения и, следовательно, Возрождения. Эти трансформации не объяснимы без конфессионализации как не побочном, но о коренном процессе, сопровождавшем католическую Реформу и протестантскую Реформацию.

Заключая свое выступление, М.В. Дмитриев обратился к теме протестантизма и России. Главные вопросы здесь связаны с опытом России и византийско-православных традиций с идеями прогресса, модернизации и европейской идентичности. Можно ли смотреть на западный опыт через призму его сопоставления с русской историей XVI-XVII вв.? По мнению М.В. Дмитриева, отсутствие Реформации в России или ее крайне слабый отклик (тема раскола и сект оставляется в стороне) следует объяснять тем, что проблематика протестантизма, противоречия, которые приводят к рождению Реформации, были типологически чужды православным традициям. Все это, по убеждению, докладчика, может свидетельствовать о существовании двух типологически разных западного и незападного христианского опыта. Это важно для понимания не только России по сравнению с Западом, но и Запада по сравнению с Россией.

² Raeff M. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800*. Yale, 1983; Raev M. *Political Institutions and Ideas in Imperial Russia*. Boulder, 1994.

³ Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого. Исследования и материалы. М., 2004; Он же. Покаянная дисциплина и индивидуальное благочестие в истории русского православия // Дружба: ее формы, испытания и дары: Успенские чтения. Киев, 2008. С. 303–343; Он же. Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: Провалы и их последствия // Антропология революции. Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение». М., 2009. С. 327–360.

⁴ Лавров А.С. Колдовство и религия в России 1700-1740. М., 2000.

Другой вопрос, который следует поставить в преподавании, связан с пониманием европейской идентичности, которую обычно отождествляют с Западной Европой и с историческим опытом XVI-XVIII вв. – Возрождением, Реформацией, католической Реформой и Просвещением. Впрочем, некоторые исследователи в последнее время отказываются от концепта европейской идентичности. Взамен европейской идентичности в религиоведческой оптике можно будет говорить о приращенной форме христианской идентичности, цивилизационной зоне или цивилизации, которая вырастает из так или иначе вырабатываемых христианских религиозных начал.

В выступлении **Е.В. Шаповаловой** *«Религиозные войны и католическая Реформа во Франции: есть ли резоны демонизировать католиков?»* проведена деконструкция ряда культурных стереотипов, сопровождающих преподавание истории религиозных войн во Франции второй половины XVI в. Как замечает докладчик, в учебных программах по религиозной истории раннего нового времени присутствует очевидный перекося в пользу Германии и Англии, в то время как французская Реформация и религиозные войны занимают одно из последних мест; при этом наше восприятие этих событий во многом опирается на чтение художественных романов или фильмов о мушкетерах, Варфоломеевской ночи, королеве Марго и др.

За антагонистами и протагонистами событий закреплена ограниченный набор характеристик. Екатерина Медичи – властная и хитрая интриганка, травит явных и мнимых врагов ядами, Карл IX стреляет в несчастных людей из аркебузы, а мрачный Филипп II смотрит на мир сквозь решетки дворца Эскориал. В этом восприятии событий большую роль сыграли протестантские антикатолические памфлеты, историческая достоверность которых нуждается в проверке.

Большое место в исторической памяти религиозных войн занимает религиозное насилие. В перечне католических преступлений называется резня в Васси и Варфоломеевская ночь, а у протестантов – Амбуазский заговор – попытка освободить короля Франциска II из рук Гизов, имеющих в литературе репутацию консерваторов. При этом в отличие от фанатичных католиков, гугеноты не были жестоки и якобы жалели женщин и детей.

Е.В. Шаповалова предлагает расширять круг источников и представлять позицию двух сторон, не оправдывая при этом случаи взаимного насилия. Наши представления о тех событиях меняют новейшие исследования об истории

Католической лиге и парижских лигерах. Также обращают на себя внимание работы Дениса Крузе (Crouzet), который акцентирует внимание на религиозном воображении, эсхатологических страхах и на различиях в подходах к спасению у католиков и протестантов⁵. В этом отношении французский историк отстает от традиции рассматривать религиозные войны как в большей степени результат политической борьбы и социальных изменений.

Другой сюжет связан с особенностями католической Реформы (эпохи святых и религиозной истерии) во Франции. Католицизм XV-XVI вв. прочно ассоциируют с индульгенциями, инквизицией и иезуитами. Вместе с тем во Франции мы имеем дело с идеями галликанства, противостоянием Парижа и Рима. По замечанию Е.В. Шаповаловой, решения Тридентского собора были опубликованы с запозданием, структура Катехизиса Ришелье не отвечала принятым на католическом соборе канонам, сам кардинал с недоверием относился к деятельности иезуитов. Церковные реформы противостояли Риму, пытались преодолеть противостояние, но изменяли церковь (приведение священников к должному виду, реформа образования и др.).

Доклад **А.В. Лазаревой** (МГУ) «*Реформация и Контрреформация в Империи в XVI – XVIII вв.: «кто более матери-Истории ценен?»*» был посвящен перспективным направлениям в изучении Реформации в Германии, а также трудностям преподавания этой тематики на Историческом факультете МГУ.

Основы советского и постсоветского восприятия Реформации в школьном и университетском преподавании были заложены в работах М.М. Смирин и А.Н. Чистозвонова. Они много писали о Реформации в контексте классового подхода или социальных отношений. История Реформации неотделима от Германии (немецкоязычной части Империи), однако вопреки расхожему мнению, даже на немецком материале ее история изучена далеко не полностью. Основные трудности связаны с географическими рамками, с проблемами хронологии и терминологии, а также с социальным измерением.

Как отмечает докладчик, по сравнению с реформационными движениями во Франции или Англии, Реформация в Германии тесно связана с темой Империи как центра Европы. Реформация на немецких землях приносит новое понимание в отношениях между императорами и чинами империи, курфюрстами.

⁵ Crouzet D. Dieu en ses royaumes: Une histoire des guerres de religion. Paris, 2008; Ibid. Les Guerriers de Dieu. La violence au temps des troubles de religion (v. 1525-v. 1610). Paris, 1990.

Внутриимперский характер Реформации все еще нуждается в дополнительном освещении в научной литературе.

Говоря о социальном составе реформационных движений, А.В. Лазарева напоминает, что в советской историографии Реформация рассматривалась как социальный протест угнетенных классов против феодалов, нашедший свое отражение в Крестьянской войне 1525 г. Вместе с тем известны призывы Лютера к социальной умеренности; противостояние власти не являлось для протестантов христианской добродетелью.

Эпоха реформационных потрясений нуждается в уточнении хронологических и понятийных рамок. Обычно хронологические рамки Реформации ограничиваются 1517 и 1555 гг., затем образуется некая лакуна, которую заполняет Контрреформация, приводящая к Тридцатилетней войне. Эти странные рамки требуют или пересмотра, или дополнительных уточнений. Одновременно с этим историки говорят о двух, трех или даже о четырех Реформациях. В свете школы исторических понятий и работ Р. Козеллека нам следует дать более адекватное определение этому понятию.

Не менее простая ситуация сложилась вокруг понятий Контрреформации и католической Реформы. По замечанию А.В. Лазаревой, история Контрреформации в России с трудом привлекает внимание исследователей. На немецком материале ее проблематикой занимаются А.И. Патрушев, А.Ю. Прокопьев и Ю.Е. Ивонин. Научный потенциал А.И. Патрушева, по мнению Лазаревой, отдает явным перекосом в сторону религиозных аспектов; Контрреформация отождествляется с католической Реформой, это религиозная история. В свою очередь А.Ю. Прокопьев предлагает разделять Контрреформацию от Реформы; это разделение сложное, но возможное. Он пишет о Контрреформации как борьбе за возвращение католической церкви; это возвращение одновременно было связано с политическими процессами. Эту идею, по мнению Лазаревой, можно назвать «плодоносной», *frucht bringen*.

Исследуя феномен германского территориализма и универсализма в XVII в., Ю.Е. Ивонин также пишет о тесном переплетении политического и религиозного процессов, однако посттридентский католицизм им оценивается как воинствующий и агрессивный.

А.В. Лазарева выделяет два подхода в современной историографии Контрреформации. За ней признают цельное и самостоятельное значение, считают отдельной эпохой, которая подводит к Тридцатилетней войне (что дальше, не очень

понятно). С другой стороны, Контрреформацию рассматривают в широком контексте и перестают сводить исключительно к религиозным реформам.

Как можно судить по интернету, то кое-какая реформационная жизнь идет; по истории Реформации существуют отдельные курсы в Самаре и в Благовещенске. В Москве и в Петербурге выходят отдельные сборники и научные исследования⁶. Однако на Историческом факультете МГУ существуют очевидные трудности, связанные с преподавательской нагрузкой, системой спецкурсов и уровнем студентов. Кроме того в последних университетских учебниках эта проблематика освещена явно недостаточно. Так, о Контрреформации практически ничего не сказано в учебнике по Новой истории под редакцией В.С. Боднарчука. В установочных общих главах в параграфах, связанных с религией, Контрреформация упомянута только единожды без какой-либо смысловой и содержательной стороны. В отдельных разделах кое-что есть о наступлении католицизма в Италии или Контрреформации в монархии Габсбургов (она отделена от немецких земель, где Контрреформации нет). В двухтомном учебнике по Средним векам о Контрреформации написано только как о религиозном или церковном явлении. В учебнике по истории Церкви, написанном под редакцией В.В. Смирнова, о Контрреформации написано с точки зрения церкви и религии.

Тем не менее, есть весьма хорошие и вдумчивые школьные учебники, например, под редакцией Д.Ю. Бовыкина, в котором есть отдельный раздел о Контрреформации.

А.Ю. Серегина (ИВИ РАН) (*«Протестантская Реформация, католическая Реформа и приходская культура в XVI-XVII в.»*) продолжила разговор о современных подходах к истории Реформации и Католической реформы на основе новейших английских исследований и учебных пособий (handbooks).

В российской медиевистике XIX века Реформация рассматривалась как часть политической или церковной истории, при этом церковь выступала как институт или история духовенства, догматики, литургики и канонического права. Создание конфессий, формирование вероисповедальных документов датировались первой половиной XVI в., в то время как в религиозных войнах видели проявление политических конфликтов. Большое влияние на российскую историческую школу

⁶ Феномен реформ на Западе и Востоке Европы в XVI–XVIII вв. / Под ред. М.М. Крома, Л.А. Пименовой. СПб., 2013; Реформация и «Новая идеология» в Европе XVI–XVII вв. М., 2010.

оказали немецкие университеты, т.е. протестантская наука. Католическая Реформа являлась реакцией на Реформацию и не имела самостоятельной ценности. Контрреформация ассоциировалась с иезуитами, инквизицией, индексом запрещенных книг.

Традиция рассмотрения Реформацию в политическом контексте достаточно долговечна, в то время как ее социальное измерение – заслуга последних десятилетий. Внимание к конфессиональным сообществам, новым общинам верующих, переменам в приходской жизни и в религиозной культуре привели к изменению сложившихся представлений о Реформации и Контрреформации. Удлиняются хронологические рамки; теперь речь идет о длинной Реформации до XVIII в. С 1980-х гг. была пересмотрена дихотомия между элитарной и народной культурами; конфронтационная модель навязывания сверху и сопротивления снизу сменилась компромиссным и диалогичным вариантом социокультурного обмена.

А.Ю. Серегина выделяет два направления в исследованиях по приходской жизни, низовых или локальных религиозных культур. Во-первых, речь больше не идет об одномерных или гомогенных религиозных общинах, но о мультиконфессиональных сообществах. Во-вторых, на первый план в жизни прихода выступает ритуальная жизнь, таинства, обряды, переживания, религиозная мотивация и их внерелигиозные функции, например, такая тема, как «Евхаристия в Реформации и Контрреформации».

В «The Oxford Handbook of the Protestant Reformations»⁷ речь идет о долгой Реформации, начинающейся с предпосылок XV в. и заканчивающейся XVIII в. Этот сборник посвящен протестантской Реформации в соотношении и во взаимодействии с католицизмом. Авторы используют историко-культурные подходы, обращаются к истории эмоций и их роли в формировании конфессиональных идентичностей. Они также пересматривают взгляды М. Вебера о влиянии протестантизма на экономику протестантских регионов Европы.

Издание состоит из 6 частей. Две первые части посвящены тому, что чаще всего имеется в виду под Реформацией – новое богословие, варианты протестантизма, протестантизм в связи с католической Реформой, другие три части – Реформации и коммуникации (распространение реформационных идей и движений, книгопечатание, эпистолярная традиция, неформальная сеть религиозных реформистов), влиянию на культуру и идентичность (литературу,

⁷ The Oxford Handbook of the Protestant Reformations / Ed. by U. Rublack. Oxford, 2016.

визуальную и материальную культуру, в том числе культуру потребления, коммерцию, науку, телесность и представления о сверхъестественном) (дихотомия между рациональным протестантизмом и иррациональным католицизмом уже не работает). В финальной части дается глобальная перспектива на историю Реформации, ее преломление в соотношении истории и памяти.

Сборник, посвященный католической Реформе (2013), составлен по похожему принципу и состоит из 4-х частей⁸. В нем затрагиваются такие темы, как Тридентский собор, конфессионализация, религиозное сосуществование, инквизиция, миссии, памфлеты, религиозная культура и практики, религия в жизненном цикле, эмоции, ландшафт. В финальной части Католическая реформация так же как и в предыдущем сборнике дается в широкой перспективе соотношения со средневековым и современным католицизмом и проблемами глобализации.

Два сборника учитывают эволюцию социальной истории 1960-70-х гг.

Выступая в дискуссии, **П.Ю. Уваров** обратил внимание на устаревшие представления не только о Реформации или Контрреформации, но и на проблему периодизации Средних веков и Нового времени. Цезурой между этими рубежами обычно считается 1648/1649 г., в то время как по Р. Козеллеку раннее Новое время кончается позже. В отечественных программах по истории нет понятия раннего Нового времени, так как никто не знает, как писать программы. Наше Новое время прежде начиналось с отсечения головы Карла I, теперь с 1500 г. и заканчивается 1917 г. И это также вопрос о том, нужен ли в будущем университетский учебник? Для создания новой программы П.Ю. Уваров посоветовал обратиться к «Православной энциклопедии», которую единодушно игнорирует университетский преподаватель, независимо от его политической, идеологической или конфессиональной принадлежности. Тем не менее, статья про Канизия занимает в ней три с половиной печатных листа.

П.Ю. Уваров также выделил изданную под его редакцией «Варфоломеевскую ночь. Событие и споры»⁹. Перед нападением боевиков на Назрань в 2004 г., тираж этого сборника был заказан в Ингушетию. Также свое значение сохраняет статья об «Открытии социального»¹⁰.

⁸ The Ashgate Research Companion to the Counter-Reformation. Ashgate, 2013. Ср.: Forster M. C. Catholic Revival in the Age of the Baroque. Religious Identity in Southwest Germany, 1550–1750. Cambridge, 2001.

⁹ Варфоломеевская ночь: событие и споры. М., 2001.

¹⁰ Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей-2001. Человек в истории: русская культура как исследовательская проблема. М., 2001. С. 199-215.

Касаясь теоретических проблем, П.Ю. Уваров отметил Марселя Гоше и его концепцию о «выходе из религии» (*sortie de la religion*). Развитие христианских принципов индивидуализма закладывает в себе момент выхода из религии (так же как демократия содержит в себе момент выхода из демократии).

П.Ю. Уваров также напомнил историю парижского семинара по истории религии, из которого вышли Николь Леметр, Жан Мари Ле Галль, Доминик Джулья (Julia) и Мишель де Серто. Их исследовательской задачей стал анализ переживаемого повседневного религиозного опыта. Против абсолютизации религиозной мотивации выступал Тьерри Ванегффелен (Wanegffelen). По его наблюдениям, конфессиональная определенность наступает позже, а задачей историка должен стать поиск религиозного опыта¹¹. Вместе с тем историки продолжили искать социальную обусловленность тех или иных религиозных явлений. Денис Крузе – представитель направления, направленного на интериоризацию исторического объяснения через синтез религиозной, политической и социальной аргументации (ср. с династическим ландшафтом у А.Ю. Прокопьева). Как отмечает П.Ю. Уваров, нет никаких противоречий в том, чтобы видеть в религиозном поведении людей социальную и политическую обусловленность. Например, в завещаниях королевских католиков (Робер де Симон), мы можем увидеть, как распределялось имущество; ни в одном из источников этого круга нет сведений о завещании имущества в пользу бедных.

По мнению П.Ю. Уварова, термин «конфессионализация» емкий и удобный. Он принят в Германии и в Санкт Петербурге ("Конфессиональная Германия"), но его надо постоянно оговаривать (определение религиозных границ, усиление догматизации - для слушателей это мало понятно). Кроме того в настоящее время многие казуальные связи представляются не такими очевидными. Вместо причин, следует говорить о множестве истоков, как в монографии А.В. Чудинова о Великой Французской революции. Кроме того причинность бывает кольцевой. В этом отношении конфессионализация – это не только причина модернизации, но и ее атрибут, необходимый фактор, который катализирует и обуславливает радикальные изменения, но сам при этом вызван реформационными последствиями.

Отвечая на вопрос о России и Реформации, П.Ю. Уваров отметил, что на Западе в средние века не было государства. Термин «государство», *l'état moderne* – понятие эпохи Нового времени. В Средние века, Латинская Европа – это

¹¹ Ni Rome ni Genève. Des fidèles entre deux chaires en France au xvie siècle, Paris, Champion, 1997, rééd. 2002

защищенный от кочевников регион, лишенный надрегиональной силы – сильной власти императора, которая бы управляла и наказывала. Вместо политического центра была скрепа – вера, которую еще сложно назвать «религией» – важнейший способ держать социальную систему в порядке. Это представление о мистическом «Теле Христовом», сопричастности общины верующих к таинству Евхаристии. С веротерпимостью есть определенные проблемы; церкви и светским властям пришлось мириться с таборитами, вальденсами, но это были маргиналы. С началом и распространением Реформации утрачивается конфессиональное единство и за ним все рушится. Временным выходом стал поиск нового модуса существования: забудем, что мы – католики и гугеноты, мы – все французы, дети короля. В свое время об этом хорошо писал Э. Геллнер: современность рождается из патовой ситуации и ее нашли в новых политических и социальных системах. В России было понятно, кто держит общество. И в этом отношении очень интересно время Смуты и опричнины. Смутное время выводится из опричнины, так как она разорвала единое «тело», которое при Иване Грозном поделили на «земское» и «опричное». Мы все вместе, держимся вместе, хотя, возможно, причастность к некому целому на Руси артикулировалось иначе, чем на Западе. Также отдельный интерес вызывают попытки искать «Реформацию» за пределами христианского мира, например, в пространстве арабо-мусульманской цивилизации.

С последней точкой зрения согласился и М.В. Дмитриев, ответив, что он готов отказаться от понятий европейской и христианской идентичности. В узком рафинированно-интимном кругу он допустил возможность перейти на разговор о пространствах: например, говоря об истории Польше, говорить о пространстве от Немана до Одера.

По замечанию **В.А. Ведюшкина** (ИВИ РАН), религиозная жизнь Европы XVI в. в школьных учебниках представлена в двух параграфах: «Причины Реформации» и «Развитие Реформации и Контрреформации». В последнем случае речь идет о Ж. Кальвине и И. Лойоле. Под Контрреформацией подразумеваются Тридентский собор, инквизиция, иезуиты, индекс запрещенных книг. По его мнению, следует разделить XVI и XVII веков, Реформацию в Германии отделить от Крестьянской войны и больше места уделить учению Кальвина.

По мнению **М.А. Корзо** (ИФ РАН), в учебниках следует избегать оценочных суждений и главным их достоинством должна стать фактология. Однако, до сих пор

история XVI века излагается с позиций симпатий к протестантам; прогрессивный протестантизм противопоставляется реакционному католицизму. Протестантизм бросает вызов, католики отвечают. Вместе с тем нам следует обратить внимание на процессы, которые предшествуют выступлению Лютера. Кем он был? Что послужило источником его взглядов? Сочинения Августина и прошлое католического монаха.

Миф о глубоком кризисе католицизма, плачевном состоянии католического клира, возможно, возник вследствие протестантского влияния. Был ли этот упадок настолько глубоким и катастрофическим? Или это следствие борьбы за человеческие души, навязанного впоследствии протестантского пропагандистского мифа?

Что касается методологических подходов то, по мнению М.А. Корзо, следует избегать строгих теоретических конструкций. Источники по приходской жизни и повседневным практикам сопротивляются тем теоретическим рамкам, которые мы на них накладываем. Помимо конфессионализации, в немецкоязычной историографии существуют понятия трансконфессионализации и межконфессионального плюрализма¹². Так, например, исследуя приходскую жизнь московских католиков начала XX в., М.А. Корзо нашла завещания в пользу костела Святой Анны не только от католиков, но также от протестантов и особенно от иудеев и православных.

И.А. Фадеев (МГУ) вернулся к разговору о понятиях и их адекватности к исследуемым явлениям. Представление о трехчленности христианства, которое мы привыкли разделять на православие, католицизм и протестантизм, он считает «антинаучным пактом» (в эту схему обычно не вписываются древние восточные церкви). В континентальной Европе, термин «протестантизм» не использовался, например, бретонцами-гугенотами и обычно употреблялся католиками. В Великобритании понятие *protestant* используется, но не совсем ясно его понимание. Англиканцы, сторонники церковной реформы, обращаясь к католикам, могут говорить о большой протестантской семье, сообщая выступающей против Рима. Однако в других контекстах англиканцы не видят между собой и местными протестантами – кальвинистами или лютеранами – ничего общего. При этом «англиканство», как церковный термин, появляется только в XIX в.; до начала XX в.

¹² Например: Interkonfessionalität – Transkonfessionalität – binnenkonfessionelle Pluralität. Neue Forschungen zur Konfessionalisierungsthese / Hrsg. K. von Greyerz, M. Jakubowski-Tiessen, T. Kaufmann etc (=Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte, 201). Gütersloh, 2003.

это понятие являлось синонимом английскости и в нем не было ничего конфессионального.

Кроме того, на Англиканскую церковь сильно повлияли католические практики, в том числе каноны Тридентского собора. Протестантское учение о *solo scriptura* осуждалось, а епископ Винчестерский Ланселот Эндрюс указывал, что чтение Библии должно быть доверено только знатокам, но не простонародью.

Грехем Перри назвал свою книгу об английской живописи и архитектуре «Искусством англиканской Контрреформации»¹³. Английские католики выступают против деятельности иезуитов, а Мария Тюдор не возвратила конфискованные при Генрихе церковные владения, руководствуясь, что все должны жить в соответствии с английскими законами.

Кальвинизм не существовал, как единая церковь и его английская версия не совпадала с «Институтами» Жана Кальвина (*Institutio Christianae Religionis*). Точно так же проблематично понятие «пуритане», под которыми могли подразумеваться разные религиозные сообщества.

Обращаясь к термину «государство», о котором прежде говорил П.Ю. Уваров, И.А. Фадеев отметил, что это понятие было важно в процессе национальной и политической идентификации, однако британская конституционная система этого термина не знало. Вместо термина «*estate*» использовалось понятие «сообщества» – *Commonwealth*, т.е. республики.

М.В. Дмитриев согласился, что между теоретическими схемами и реальной жизнью есть серьезные разрывы. Несколько десятилетий существовали целые группы людей, которые не знали, кем им стать – протестантами или остаться католиками. Во второй половине XVIII в. австрийское правительство отправляло в горы карательные экспедиции, вылавливая протестантов, *Geheimprotestantismus*. Однако судьба сомневающихся христиан была более или менее известна.

Вместе с тем нельзя сказать, что в регионах, не переживших Реформацию, не было обновления католицизма, как например, в Испании. Нельзя сказать, что в Испании или в Англии не существовало конфессионализированного государства, которое давило «еретиков», мобилизовало население против возможного или химерического врага. Кроме того англо-испанская война 1582-1604 гг. проходила под религиозными знаменами, Великая армада Филиппа II отплывала к берегам Англии

¹³ Parry G. *The Arts of the Anglican Counter-Reformation. Glory, Laud and Honour*. Woodbridge, 2006.

под знаком божьего дела, чем какими-либо рациональными соображениями. Как показывает Серж Брюне, невозможно понять французскую Контрреформацию Гизов без финансовой подпитки испанцев. Брюне раскрывает шпионскую сеть испанцев, чьи инвестиции шли не в политику, но в религиозные убеждения.

Без инструментов конфессионализации нельзя понять определенные повороты государственной политики в Речи Посполитой. Заключая Брестскую унию, католики совершили крайне вредный для государства шаг, руководствуясь при этом стечением обстоятельств, в котором увидели знак Божий. В дальнейшем папские нунции выступили против компромиссов с казаками, ставя религиозные интересы выше государственных и здравых политических соображений.

Жесткая детерминированность политики от религиозных предпочтений вызвала возражения со стороны **А.В. Ведюшкина** и **А.Ю. Серегинной**. А.В. Ведюшкин напомнил, что материальные ресурсы, затраченные на Великую Армаду, были огромными и если не смерть маркиза Альвара де Басана, то итог кампании мог быть иным. Филипп II ладил в протестантскими королями Скандинавии, но не терпел Реформации в своих владениях по весьма рациональным соображениям. Проведя детство в Германии, он прекрасно знал, чем был вызван раскол страны. А.Ю. Серегина отметила, что государственная политика могла быть скоррелирована, но не детерминирована религией. Возможно также, что противопоставление иррациональной религии и рациональной политики может выглядеть искусственным. Смерть испанского адмирала, испорченный порох на испанских судах – это стечение обстоятельств, результат исторической случайности, о которой писал Р. Козеллек: в историческом метанарративе обычно ищут казуальность в обязательном порядке, в то время как делать это совсем не обязательно.

Завершая работу круглого стола, были высказаны надежды на проведение очередных мероприятий, а также семинаров, темой которых может стать социальная история протестантизма или соотношение религии и политики в годы правления Филиппа II.

А.М. Шпирт